

МИНУВШЕЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

10

ATHENEUM

Editorial board: Jean Bonamour, Elda Garetto, John Malmstad,
Richard Pipes, Marc Raeff, Dmitri Segal

Editor: Vladimir Alloy

Copyright by Atheneum, 1990

All rights reserved

Publisher: Atheneum, 10 bis, rue Duhesme, 75018 Paris
Printed in France

ISBN 2-906141-15-1

На первой странице обложки воспроизведены: портрет Веры Холодной (1916), автограф А.М. Ремизова, портрет И.Зданевича (1918), фотография Ф.И. Шаляпина среди русских артистов в Белграде (1935), вид Тифлиса (1910-е годы).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.И. ИВАНОВА С А.Д. СКАЛДИНЫМ

Публикация М.Вахтеля

Долгие годы имя и творчество Алексея Дмитриевича Скалдина (1885-1943) были забыты. Но в последнее время произведения Скалдина пользуются если не популярностью, то по крайней мере некоторой известностью. В СССР одно из его стихотворений появилось в хрестоматии М.Л. Гаспарова¹. В США его роман переиздан В.Крейдом, написавшим к нему содержательную вступительную статью². Скалдин, который даже в годы своего творчества был мало замечен и мало известен, теперь упоминается в связи с такими крупнейшими авторами, как М.А. Булгаков, Анна Ахматова, А.А. Блок³. Однако в настоящей работе творчество Скалдина играет лишь второстепенную роль. Нас интересует не столько писатель, сколько свидетель литературных событий начала века.

Не подлежит сомнению, что из всех знаменитых поэтов своей эпохи лучше всего Скалдин знал Вячеслава Иванова. Начало их переписки (и, наверное, их знакомства) относится к 1909 г., когда Иванов одобрительно отзывался о стихах Скалдина⁴. Вскоре Скалдин становится учеником Иванова и одним из постоянных посетителей «Башни». В 1912 г. при содей-

¹ М.Л. Гаспаров. *УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ. Русский стих*. Таллин, 1987, с.127-128.

² А.Д. Скалдин. *СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКОДИМА СТАРШЕГО*. Connecticut, 1989. По мнению Крейда (с.1), роман — «завершение и эпилог всей русской дореволюционной прозы» и «последний шаг прозы серебряного века».

³ Крейд (с.XVIII-XIX) говорит о романе в связи с Булгаковым. Что касается Ахматовой и Блока, то эта связь прослеживается в: Р.Д. Тименчик. *К СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ»* («Труды по знаковым системам», VI, Тарту, 1973, с.439-440), и Н.В. Котрелев и Р.Д. Тименчик. *БЛОК В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННИКОВ*. — «Литературное наследство», т.92, кн.3, М., 1982, с.417-418. Письма Блока к Скалдину (с кратким предисловием Скалдина) были опубликованы еще при жизни Скалдина в книге *ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА*. Л., 1925, с.175-183.

⁴ Письмо от 2 октября 1909, начиная со слов «Конечно, пишите, уважаемый Алексей Дмитриевич...»

ствии Иванова увидел свет единственный лирический сборник Скалдина «Стихотворения (1911-1912)»⁵. Иванов высоко ценил поэтическое дарование своего ученика и пытался помочь ему вступить на литературное поприще⁶. Важно отметить, что Скалдин был близок Иванову не только как поэт: он дружил с Ивановым, с Верой Константиновной Шварсалон (падчерицей и впоследствии третьей женой Иванова), а также был хорошо знаком с ее братом, Сергеем Константиновичем.

Переписка Иванова со Скалдиным включает более сорока писем (большая часть от Скалдина) и охватывает период с 1909 по 1923. Разумеется, для историка литературы не все они представляют одинаковую ценность. Самый интенсивный период и самый интересный с литературоведческой точки зрения — 1912 год, когда Иванов и Вера Константиновна уезжают в Европу. Лето этого года — очень счастливое время для Иванова и в личном и в творческом отношении. 12 июля у Ивановых родился сын Дмитрий. Иванов переживает творческий подъем: зреют новые стихи, поэт готовит новую книгу, работая необычайно интенсивно и быстро.

В течение того же лета Иванов написал «Нежную Тайну», свой четвертый сборник стихов. Хотя в стилистическом отношении книга эта резко отличается от предыдущей («Cor Ardens»), она близка ей присутствием основополагающего автобиографического подтекста. Вторая часть «Cor Ardens» посвящена тематике любви и смерти. Она является не только своеобразным сплетением разнородных мифов и традиций, но — как подчеркивает сам Иванов — непосредственно связана с его личной судьбой⁷. Она — поэтический реквием покойной Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал. Новый сборник стихов отражает новый жизненный опыт Иванова. Главную роль в нем играет «ее дочь»⁸, Вера Константиновна; через Веру (и ребенка, рожденного ею), Иванов как будто вновь обретает Лидию. Близость смерти к рождению новой жизни служит основной темой «Нежной Тайны»⁹. Так, в программном стихотворении сборника в одной из строк, центральных по месту нахождения и по смыслу, Иванов пишет: «Смерть — повитуха; в земле — новая нам колыбель»¹⁰. Интересно отметить и интертекстуальную связь между двумя сборниками. В разделе «Любовь и смерть» («Cor ardens») находится стихотворение, в кото-

⁵ Книга появилась в Ивановском издательстве «Оры» и имела посвящение «Вячеславу Иванову, брату».

⁶ В письме от 22/9 января 1913 (из Рима) Иванов пишет В.Я. Брюсову: «Посылаю также (через Петербург) изданную "Орами" книжку Скалдина; надеюсь, что ты согласишься со мной, что он даровит и делен; если же так, при случае литературно ему помоги». См.: С.С. Гречишкин, Н.В. Котрелев, А.В. Лавров. *ПЕРЕПИСКА В.Я. БРЮСОВА С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ. 1903-1904*. — «Литературное наследство», т.85, М., 1976, с.536.

⁷ Вячеслав Иванов. *Собрание сочинений*. Foyer Oriental Chrétien, Брюссель, т.2, с.225. (Далее указывается как СС).

⁸ Ср. «Введение» Ольги Дешарт (СС, т.1, с.134): «Стихи, которые он в разные периоды жизни обращал к Вере, носили общее заглавие: "Ее Дочери"».

⁹ По словам Ольги Дешарт, книга «славит участие ушедших в жизни живых и "Нежную Тайну" рожденья». — СС, т.3, с.697.

¹⁰ СС, т.3, с.30.

ром Иванов описывает ночное видение: «...цветы благоуханней, И Тайна все нежней, И в Боге сокровенное открытей...»¹¹ Нетрудно заметить, как заглавие «Нежной Тайны» вырастает из этого образа, т.е. из поэтического мира предыдущего сборника. Другими словами, «*Cor ardens*» и «Нежная Тайна» связаны тем, что представляют части единой судьбы. Как сам он сказал: «Открыта в песнях жизнь моя»¹². Не учитывая этот автобиографический элемент, нельзя понять и приложения к «Нежной тайне», которое содержит стихи, посвященные друзьям¹³.

Желая опубликовать новую книгу как можно скорее, Иванов выбирает именно Скалдина посредником между собой и издательством¹⁴. 4 сентября он пишет Скалдину: «...Рукопись, которую получите, тайна — не только по заглавию; тайна от всех! Издайте ее книжкой...»¹⁵ Таким образом, Скалдин становится самой прочной связью Иванова с Россией. Несмотря на то, что причины написания писем вполне практические, содержание их отнюдь не ограничено вопросами публикации книги. Наоборот, оставляя Скалдину практическую сторону издания, Иванов обращается к более важным для него вопросам: объясняет тонкости стихосложения, анализирует свои стихи, рассказывает о встрече с Андреем Белым. В публикуемых ниже письмах он высказывается очень определенно на некоторые важные для него темы, не затронутые в других его сочинениях.

Общепризнана репутация Иванова как «мэтра» русского стихосложения и его влияние почти на всех поэтов начала века. В многочисленных мемуарах упоминается, как Иванов обсуждал стихи других поэтов и давал советы молодым. Однако воспоминания, как правило, передают только общую атмосферу «башни» — подробных свидетельств ивановского подхода к поэзии очень мало¹⁶. Ценность предлагаемых писем именно в том, что они касаются специально поэтических проблем и стихотворных приемов. Особенно интересно в этом отношении второе письмо, где Иванов говорит о *своих* стихах. Такого рода, пусть даже отрывочные, высказывания дают нам редкую возможность проникнуть в поэтический мир одного из самых значительных теоретиков русского стихосложения. Они важны

¹¹ *СС*, т.2, с.400.

¹² В «Мирных иамбах». — *СС*, т.3, с.59.

¹³ Название приложения *АЕПТА* Иванов объясняет следующим образом: «Приложение озаглавлено "АЕПТА" — в подражание александрийским поэтам, которые называли так свои поэтические "мелочи"». — *СС*, т.3, с.7. Несмотря на это, Ольга Дешарт справедливо замечает, что многие из этих стихотворений касаются «вовсе не скромных и не шуточных вопросов».

¹⁴ Ср. стихотворение Иванова «Мирные иамбы» (посвященное Скалдину): «Я был далече. Этих песен ты вверял / Станку печатному листы...»

¹⁵ Следуют подробные технические советы насчет бумаги, шрифта и т.д.

¹⁶ См.: Николай Бердяев. *ИВАНОВСКИЕ СРЕДЫ* в кн. С.А. Венгерова *РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА*. М., 1916, с.97-100; Сергей Маковский. *ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В РОССИИ*. — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, т.XXX, с.137-139; Владимир Пяст. *ВСТРЕЧИ*. М., 1929, с.44-62; Федор Степун. *БЫВШЕЕ И НЕБЫВШЕЕСЯ*. Нью-Йорк, 1956, т.1, с.290-292; Johannes von Guenther, *EIN LEBEN IM OSTWIND*. München, 1969, с.124-127, 209-211; Margarita Woloschin. *DIE GRÜNE SCHLANGE*. Frankfurt a.M., 1985, с.178-185.

не только для интерпретации творчества самого Иванова, но и для понимания русской стихотворной культуры двадцатого века.

Наряду с замечаниями о поэзии в письмах содержится единственный — насколько нам известно — подробный отзыв Иванова о Рудольфе Штейнере. Из разных источников известно, что Иванов был знаком с идеями Штейнера. Начиная с 1907 г., он часто общался с Анной Рудольфовной Минцловой, которая энергично пропагандировала философскую систему Штейнера в России. Хотя Иванов никогда не был поклонником теософии (ни антропософии), он явно интересовался этим движением и самим Штейнером. Косвенным свидетельством этого служит письмо Минцловой к Иванову от 26 ноября 1908: «Вы знали ведь, что я отдала уже, в Петерб[урге], в печать, мой перевод "Theosophie" Шт[ейнера]¹⁷, Вы даже предложили мне помочь, здесь — помните! Наконец Вы сами предложили мне, что если Шт[ейнер] придет в Петерб[ург], принять его у себя, на башню»¹⁸.

В своих статьях Иванов крайне редко упоминает Штейнера. Однако, несмотря на отсутствие прямых указаний, можно предполагать, что Иванов знал и ценил творчество основателя антропософии. Он не только говорит о Штейнере с уважением, но и ссылается на его самые последние работы. Примечательно, что, обсуждая новые пьесы Штейнера (см. третье письмо настоящей публикации), Иванов обращает особое внимание на Люцифера и Аримана. Четыре года спустя он сам обращается к тому же противопоставлению в своей статье о Достоевском, чтобы определить «два богоборствующие в мире начала»¹⁹. Разумеется, ивановская трактовка темы (т.е. ее применение к творчеству Достоевского) далеко уходит от штейнеровской, но важен сам факт того, что Иванов выбирает именно этих представителей демонологии²⁰.

Другой существенной точкой соприкосновения Иванова со Штейнером является тема розенкрейцерства. Розенкрейцерство играет центральную роль в творчестве обоих мыслителей. Именно в 1907 г., когда Иванов интенсивно общался с Минцловой, Штейнер выступал с многочисленными лекциями о розенкрейцерстве²¹. Не случайно, что первая из вышеупомянутых пьес Штейнера имеет подзаголовок «Ein Rosenkreuzermysterium» («Мистерия розенкрейцерства»). Некоторые исследователи полагают, что тема розы и креста, столь важная для русского символизма, вообще пришла в Россию от Штейнера, в частности, через Минцлову²².

¹⁷ Перевод вышел лишь в 1910.

¹⁸ Письмо хранится в рукописном отделе библиотеки им. Ленина (ГБЛ, ф.109, к.30, ед.хр.5).

¹⁹ *ЛИК И ЛИЧИНЫ РОССИИ*. — СС, т.3, с.243-252.

²⁰ Так же любопытно, что в той же статье (т.3, с.744) упоминается Штейнер (хотя в примечании и в другом контексте). Короткое замечание, где Иванов критикует его «ранние работы», является косвенным доказательством того, что Иванов именно в это время думал о Штейнере.

²¹ Можно назвать доклад «Кто такие розенкрейцеры?» (14.03.1907), цикл из четырнадцати лекций под названием «Теософия розенкрейцеров» (в Мюнхене, 22.05.1907-6.06.1907), другой цикл из четырнадцати докладов под названием «Теософия и розенкрейцерство» (в Касселе, 16.06.-29.06.1907).

Уже 20 января 1907 г. Минцлова пишет Иванову длинное письмо о розенкрейцерстве (ГБЛ, ф.109, к.30, ед.хр.1): «...я хочу сейчас докончить то, что начала. Мне надо сказать Вам теперь о третьем пути — Розы и Креста²³. Все то, что пишется и писалось об этом великом братстве, единственном, где *никогда* не было изменников — все это ложь и вымысел. В литературе и истории, эзотерических — нельзя найти ничего об этом...»²⁴ Из письма Минцловой от 26.11.1908 (ГБЛ, ф.109, к.30, ед.хр.5) ясно, что Иванов принял идею розенкрейцерства, хотя отверг его трактовку у Штейнера. Речь шла о проекте нового журнала, который так и не был осуществлен. «*Ваше имя, ваше ближайшее соучастие — я именно и хочу лишь тогда, когда будет прямое, совсем отозванное от всякого влияния Штейнера и его посредничества — Течение Розы и Креста (без теософии) — В совсем чистом от всякой примеси журнале, который может возникнуть в конце февраля или начале марта 1909 года — не раньше (и не позже)*»²⁵. Именно в это же время мотив розы и креста становится одним из основополагающих символов в творчестве Иванова. В разделах «Любовь и смерть» и «Rosarium» часто встречается это сочетание²⁶. «Rosarium» (и тем самым книга («Cor Ardens»)) завершается словами «И Роза — колыбель креста»²⁷.

²² Тема розенкрейцерства у младших символистов почти не затронута исследователями. Статья Maria Carison *IVANOV - BELYJ - MINCLOVA: THE MYSTICAL TRIANGLE* в кн. *CULTURA E MEMORIA* (Firenze, 1988), ред. Фаусто Мальковати, т.1, с.63-79, — впервые указывает на важную роль, которую играло розенкрейцерство в жизни и мировоззрении символистов. Примечательно, что до сих пор нет исследования о том, как основная символика драмы Блока *РОЗА И КРЕСТ* (1912) связана с мистической трактовкой розы и креста у Иванова и Белого (или по крайней мере навеяна ею).

²³ У Штейнера (см. следующее прим.) намечаются три пути познания: первый — путь восточной йоги, второй — христианско-гностический, и третий — путь розы и креста. В разных письмах к Иванову Минцлова подробно описывает эти пути.

²⁴ В письме Минцлова дает семь отвлеченных ступеней самопознания — от «Studium» («учение») до «Gottseligkeit» («Блаженство Бога»). Эти ступени (и вообще все содержание письма) являются пересказом основной позиции Штейнера. См. его доклады «Selbsterkenntnis: Rosenkreuzerisch-christliche Seelenübungen» («Самопознание: розенкрейцерско-христианские упражнения души»), прочитанный 2.09.1906 и «Der Erkenntnispfad und seine Stufen: der rosenkreuzerische Geistesweg» («Стеза познания и ее ступени: розенкрейцерский путь души»), прочитанный 20.10.1906. Тексты обоих докладов приведены в кн.: Rudolf Steiner. *AUS DEM GESAMTWERK* (Stuttgart, 1980), т.1, с.50-58, 9-25.

²⁵ По всей видимости, Иванов отказался принять участие в журнале, который провозглашал идеи Штейнера. Интересно, что в это время Минцлова сама, видимо, отходила от Штейнера. Во втором письме, написанном в тот же день (26.11.1908, ночь), есть такие строки: «Еще раз повторяю — я *никогда* не хотела, и не хочу никогда, чтобы Вы "приняли" теософию или Д[октора] Штейнера... И я никогда не начну Журнала, о котором Вы говорите — пока я еще (хотя слабо очень) связана с Теософским Обществом».

²⁶ Например, в канцонах (СС, т.2, с.398) и в стихотворениях «*ROSA IN CRUCE*», «*РОЗА ВЕТРОВ*», «*СВЯТАЯ ЕЛИСАВЕТА*», «*ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ*», «*ФЕОФИЛ И МАРИЯ*».

²⁷ Стихотворение *ЕДЕН* («Эпилог»).

Из дневника Иванова 1909 г. видно, что эта символика приобретает и автобиографический смысл. Она связывает Иванова с одной стороны с покойной женой, Лидией Дмитриевной, а с другой — с Верой Константиновной Шварсалон. 28 июня он пишет: «Л[идия] сказала мне: "Один твой долг — Дорофея. Она должна образовать розу в кресте нашей любви"»²⁸. Полная интерпретация дневника выходит за рамки этой статьи. Ради краткости скажем, что «Дорофея» (этимологически «божий дар»), видимо, дочь Лидии — Вера, которую Лидия «дарит» своему мужу²⁹. Следует отметить, что Скалдину, очевидно, было известно значение этой символики для Иванова. Его слова о панихиде Лидии («крест был убран розами. Поцеловал и крест и розы...») ³⁰ явно перекликаются с ивановской трактовкой этой символики. Одним словом, слияние розы и креста становится частью ивановского мировоззрения. В статье о Новалисе, написанной в 1913 или 1914, Иванов говорит, что главная заслуга этого немецкого романтика — сознание, которое «заставляет верить, что хотя [бы] в отдельные, отмеченные мгновения, вспыхивает мистическая Роза на Кресте Земли»³¹. И в 1920, в «Переписке из двух углов», Иванов утверждает: «Под каждым розою жизни вырисовывается крест, из которого она процвела»³².

И Штейнер, и Иванов развивают свои собственные истолкования розенкрейцерства, далеко отстоящие от реально-исторического прототипа³³. По мнению Штейнера, «тот, кто знает историю, т.е. внешнюю историю розенкрейцерства, как она излагается в литературе, тот знает очень мало о подлинной сути розенкрейцерской теософии. Розенкрейцерская теософия существует с XIV века независимо от своей истории»³⁴. Иванов тоже считает такой подход к розенкрейцерству оправданным: «По основному замыслу одного духовного братства, отдельные исторические деятели, им вдохновляемые, свободно проявляют личное творчество, являясь духовными факторами, необходимыми в данную эпоху и в данных условиях»³⁵. Оба мыслителя увлеклись розенкрейцерством, но, разумеется, каждый по-своему.

²⁸ СС, т.2, с.777

²⁹ В дневниках часто говорится об этом. Ср.: «Дорофея дар мой ее живое тело тебе...» (СС, т.2, с.777).

³⁰ См. последнее примечание к последнему письму публикации.

³¹ СС, т.4, с.265. Ср. с.261, где Иванов обсуждает основную символику: «Мистическая роза на кресте земли — таков был священный замысел средневековья...»

³² СС, т.3, с.386.

³³ См. Gerhard Wehr. *CHRISTIAN ROSENKREUZ: URBILD UND INSPIRATION NEUEITLICHER ESOTERIK*. (Freiburg, 1980) и Frances A. Yates. *THE ROSICRUCIAN ENLIGHTENMENT*. (London, 1979). Обзор розенкрейцерского движения в России дает А.В. Семёк в кн. *РУССКИЕ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ И СОЧИНЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ПРОТИВ МАСОНСТВА* (СПб, 1902), с.7-27.

³⁴ Из доклада «Новая форма мудрости» («Die neue Form de Weisheit»), который был прочитан 22.05.1907. См.: Rudolf Steiner. *DIE THEOSOPHIE DES ROSENKREUZERS*. Dornach, 1951, с.7-8.

³⁵ См. третье письмо настоящей публикации.

Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ отношений Иванова и Штейнера. Цель ее — дать общий фон, необходимый для понимания публикуемых ниже писем. Задача осложняется тем, что многие архивные материалы нам до сих пор недоступны. Когда все источники станут достижимыми, наше знание о мистических течениях в русском символизме значительно обогатится.

Переписка Иванова со Скалдиным хранится в советских архивах: письма Иванова к Скалдину — в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), в фонде Скалдина (ф.487, оп.1, ед.хр.51), а письма Скалдина к Иванову — в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ), в фонде Иванова (ф.109, к.34, ед.хр.37 и 38). При подготовке настоящей публикации автор имел возможность ознакомиться со всей перепиской. Отрывки из писем Скалдина используются в примечаниях к письмам Вячеслава Иванова.

Автор приносит благодарность ученым, оказавшим ему помощь на разных этапах работы над письмами: К.М. Азадовскому, А.С. Бобровой, Н.А. Богомолу, Дж.Мальмстаду, Р.Д. Тименчику, а также американским организациям АЙРЕКС и Фулбрайт, предоставившим автору возможность годичной стажировки в Советском Союзе³⁶.

³⁶ Research for this article was supported in part by a grant from the International Research & Exchanges Board (IREX), with funds provided by the National Endowment for the Humanities and the United States Information Agency, and in part by a Fulbright-Hays travel grant.

10 окт. 1912
(н.ст.)

Дорогой Алексей Дмитриевич

Что же Вы ничего настоящего не пишете? Я, когда нужно, напишу. Получены ли деньги? Их достаточно до полной расплаты; тогда еще получите.

Глядите в оба глаза, при печатании своей книги, за опечатками, и еще строже — за стилистикой и метрикой. (Огорчает мой педантизм, слегка, что в гекзаметре Вы допускаете в 4-ой строфе¹ хорей + иамб, когда тут подобает быть только дактилю, анапесту или спондею. Недоброво², тот принимает в расчет это мною впервые у нас провозглашенное правило строгих греков³. Неодобрительно ни «одетый в богатую тогу»⁴ ни «окончен мой труд многолетний»⁵. Утешение в непоправимости: уже римские поэты часто грешат)⁶. — Жаль все же что не получаю корректуру Вашей книги: в случаях *необходимого*, по-моему, предостережения я бы мог *телеграфировать* всего раз, когда нужно было бы подождать возврат корректуры... А, впрочем, все это мелочи; лучше, быть может, просто не задерживаться.

Не забывайте что Ваше полномочие делает Вас свободным в выборе типографии.

Все же, цифры меня хоть и опечалили, но не испугали. Лъщусь надеждой, что моя книжка окупится. Для себя решительно предпочитаю комбинацию в 210 р. (№ 2), ибо бумага, ей соответствующая, мне по вкусу; особенно же по душе удлинненный ее формат. Если где стих сломится, не беда. Число *моих* экземпляров — 500, непременно, или 600.

Будут прибавлены 2 стихотв[орения] в первый отдел, и одно во второй. Теперь переписывать их некогда.

Пишите в Montreux (Suisse, Vaud),
Hôtel Biensis

Целую Вас. От Веры привет. Вяч. Ив[анов]

Другим давайте старый адрес:

Лозанна, до востребования. Оттуда мне все пересылают. Скоро еду в Рим; ММ⁷ и Лидия⁸ (из-за консерватории) уже там. Скучно, что Вы замкнулись в молчании. Напишите непременно о своем здоровье⁹.

¹ Явная описка. Следует читать не «в 4-ой строфе», а «в 4-ой стопе».

² Николай Владимирович Недоброво (1882-1919), поэт, друг Иванова и Скалдина.

³ Иванов имеет в виду так называемый «мостик Германна». Исследователь Готфрид Германи (Gottfried Hermann) впервые обнаружил (в кн. *ORPHICA*. Leipzig, 1805), что в древнегреческом гекзаметре конец слова не должен находиться внутри четвертой стопы. Попытка Иванова применить это правило в русской поэзии была в итоге безуспешной. Даже в своих гекзаметрах в *НЕЖНОЙ ТАЙНЕ* Иванов его не всегда выдерживает (ср. само стихотворение *НЕЖНАЯ ТАЙНА*, где встречается, например, «В сердце, разлуки кольцом, вписала Любовь благовестье»). Однако, следует отметить, что в стихотворении *ОТВЕТ* (в том же сборнике), посвященном Недоброву, Иванов строго соблюдает «свое» правило.

⁴ Цитата из стихотворения Скалдина («Мужа я смуглого зрел...»). Скалдин напечатал его, не изменив эту строку, в своем сборнике *СТИХОТВОРЕНИЯ (1911-1912)*. СПб., 1912, с.14.

⁵ Цитата из *ТРУДА* Пушкина (1830).

⁶ Ср. воспоминания Владимира Пяста о «башне» в книге *ВСТРЕЧИ*. М., 1929, с.139: «Наиболее ценны были часы, посвященные гекзаметру. Уже хотя бы потому, что издавна нечто под этим именем проходило сквозь русскую поэзию и вошло в плоть и кровь всякого литературно-образованного русского. А между тем, очень сомнительные ритмические вещи написаны будто бы этим размером нашими поэтами! Правда, Вячеслав Иванов находил возможность оправдывать пушкинские промахи в этом отношении...»

⁷ Мария (Маруся) Михайловна Замятина (1865-1919), многолетний друг Иванова и его семьи.

⁸ Лидия Вячеславовна Иванова (1896-1985), дочь Иванова от второго брака (с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал), музыкант и композитор.

⁹ Иванов, вероятно, имеет в виду письмо от 29 мая 1912 г., где Скалдин жалуется на «очень острое и мучительное сознание какой-то своей разделенности между несколькими лицами» и боится, «что разделение не прекратится на сегодняшнем. Раздроблен на три части — буду раздроблен на пять, потом на десять, и в конце не хватит сил. Чувство от данности на растерзание... От этого я хожу как помешанный и думаю, что, быть может, действительно сошел с ума...»

Montreux, 23/10 X. 1912

Дорогой друг, Алексей Дмитриевич,

Как бы мне так отписать обо всем, ничего не забыв, — о большом и малом, внешне-суетном и внутренне-серьезном, — чтобы смесь не была чрезмерно хаотической, а желание излагать все по порядку не привело к сухой постатейности, затрудняющей милые отсутствия?

Не кажется ли Вам, что моя книжка стихов, в некотором смысле, является моим ответом обществу, интересующемуся моею личною жизнью? Несколько верных сведений в гуще сплетен могут облегчить ее уразумение читателям *bonae voluntatis*¹.

Из чего следует, что чем скорее она будет в руках читателей — тем лучше. И таково мое доверие к Вашей «акрибии»² (как называют филологи свою лучшую добродетель — грамотность, доведенную до виртуозности) — таково, что я готов предоставить корректуру Вам (что соответствует в моих личных расценках чему-то вроде военного знака отличия). Но вот последние странички с греческим текстом³ должны быть непременно прочитаны или мною или Зелинским⁴ (я бы и Ростовцеву⁵ их не охотно доверил!). А ежели бы Вы заблагорассудили прислать мне корректуру (но, повторяю, это в Вашей воле, промышляющей за меня о правых путях), — то я имел бы возможность — и соблазн — «усовершенствовать плоды любимых дум»⁶, коих черновики не со мною, а звук, все дальше уходит в область обманчивых воспоминаний... Тут, кстати, сказать бы о Ваших замечаниях; но прибавлю еще, что остаток гонорара за «Г[оспо]жу Бовари» я именно имел в виду предоставить в Ваше распределение, еще до Вашей о том догадки, почему и прошу Вас сказать об этом дорогой нашей Кассандре, горячо нами приветствуемой, чтобы она для меня вытатищила эти деньги из кассы «Шиповника», в силу прилагаемой при сем доверительной карточки⁷.

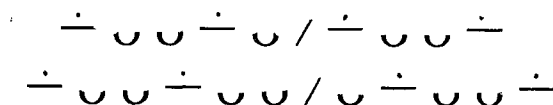
На днях Вы получите от меня целую тетрадь переводов моих из греческих лириков; направляю ее к Вам, потому что Вам интересно ее прочесть — хоть и наскоро, а мне услышать Ваше мнение, если таковое будет. Передать же эту тетрадь я попрошу Вас опять-таки Александре Николаевне — для пересылки Мих[аилу] Осиповичу Гершензону с моим к нему письмом. Столько обходов, такой крюк на пути рукописи в Изд[ательс]тво Сабашникова⁸ — и лишь потому, что я забыл его адрес, кроме того, что наш милый

издатель Греков и Римлян живет на Тверском бульваре в Москве. Но так как Гершензон добыл у меня первую посылку лириков, пусть получает и вторую, которая, надеюсь, не будет слишком поздною гостьей⁹.

Что касается наших с Вами стихов и, во-первых, Ваших, — боюсь, не засудили ли Вы невинного, ибо самокритике Вашей не доверяю в достаточной мере; а воображая, какова выйдет Ваша книга (которую Недоброво, кстати, в письме ко мне весьма хвалит¹⁰), выскажу наперед, полу-интуитивно, критику. В ней одного мало: Хариты. Вот понятие, которое мне хотелось бы ввести в умственный и словесный обиход. Ведь это не то, что мы зовем «грацией», — объем понятия безмерно шире. Харита — Милость, — и милость — благодатная, и миловидность, «милорадность»; улыбчивая, пленительная прелесть — и много еще другого. Так вот — нет у Вас веселого неба и стройного танца, и в стихе беспечного радования нет... А зачем, скажете Вы, все это мне вдруг понадобилось? Именно, ничего этого мне *теперь* вовсе и не надобно; но надобно *будет*. Это будет знамение некоей победы; а пока — в оружии мир! Ибо путь Ваш к Харите в искусстве и земной жизни чрез духовную благодатность... Но Харита в наше время встречается реже, чем даже хороший вкус. Где же ее сыщешь? Разве у Кузмина?¹¹ Но его грации слишком похожи на александрийских гетэр¹².

Что касается Ваших замечаний о моих стихах¹³, то удивляет меня, прежде всего, отсутствие синтетического мнения об их совокупности — о «Нежной Тайне». Хотелось бы также знать, не кажется ли Вам весь отдел АЕПТА и те его частности — неуместным? В таких предприятиях нужно не мало такта со стороны автора. Ваше мнение об «Арионе» меня почти печалит: по-моему, это — критический промах. И не знаю, как объяснить это Ваше непонимание. Вспомните пушкинский дифирамб «Арион»... (Правда, у него речь не о коне Арионе, а о поэте Ар[ионе]). Большая лирическая напряженность — и сжатый эпический пересказ моментов лирического события. Мой «Конь Арион» — также дифирамб, и того же типа. Обратить его в чистый эпос, как Вы неправильно советуете, немыслимо по существу изображаемых событий. Дионису эпос чужд. О несоответствии «формы» и «содержания» не может быть речи, раз все исчерпывается полнотой рассказанных переживаний, исключаяющих иную транскрипцию. Все истинно-дионисийское уже перестает быть символическим, как это можно сказать и о всем подлинно таинственном, где дело идет о мистических реальностях... Может быть, краткость Ваших слов причина того, что я Вас не до конца понял? —

Стихотворение «При Дверях» построено по ритмической схеме строфы

с рифмами в конце стихов и с растянутыми ассонансами в конце колонов первого ряда. Такие же (но с синкопами) растянутые ассонансы в «Рыбаре». Однообразно-правильный ассонанс — понятие, содержащее внутреннее противоречие. Ассонанс требует свободы, прихотливого излома; этим он противоречит рифме. Рифма, когда-то незаконное дитя поэзии, была узаконена и стала вести себя сообразно с этим своим новым достоинством, доводя подчас свою буржуазную порядочность до педантизма; но ассонанс узаконен не был и чрез это остался вне сферы законов и уставов, даже приличий; чинность ему не к лицу, он должен быть «дитя природы», в этом его «жанр» и хороший вкус¹⁴. — Эстетическая цель допущения ассонансов в названных двух стихотворениях такова; их лирический замысел требовал не классической гармонизации, а подобия народных ладов. Ассонанс именно можно сравнить с своеобразным *ладом* в музыке.

В «Парусе» слово «ловит» имеет, очевидно, смысл «вдыхала»: так можно было бы и поставить: *«ладья вдыхала вихрь бегущий всей грудью жадных парусов»*. Этот образ делает всю ладью живой и дышащей: по-моему, красиво и смело. Редкий случай совпадения смелости и точности. У меня — менее смело сказано и менее точно. Собственно: «ладья ловила вихрь бегущий, дыша всей грудью парусов». Но ведь мы же говорим просто ловить о жадном вдыхании воздуха. Итак...? Поставить, что ли, в угоду педантизму Вашему (который люблю!), как сказал раньше: «вдыхала» вместо «ловила». Коли правится, правьте! Разрешение дано¹⁵.

Внешность своей книжки представляю себе так: обложка белая или, лучше, серая (знаете, по старинному серая). Слова Нежная Тайна — если хорошо выделятся на сером — синие, светло-синие, и набраны тем же шрифтом и с большими первыми буквами, что заглавие Кормчих Звезд, напечатанное с красным. Цена должна быть назначена с расчетом на покрытие расходов по отпечатанию и комиссионерских процентов у Вольфа чрез продажу 400 экземпляров; это как минимум. Значит между рублем и 1 р. 25 к.

Часто я думаю о Вальтере¹⁶. Но ведь ничего же не знаю!

Мне хотелось бы находиться с ним в сношениях. Если хотите моего мнения, напишите обо всем обстоятельно.

До скорейшего каракульного свидания!

Любящий вас

Вяч. Иванов

P.S.¹⁷ С Борисом Николаевичем я виделся в Базеле, куда приезжал к нему на три дня¹⁸. Такие определения, как «метит в под-Штейнера», принадлежат к оркестру нашего суетного злоречия. Не благодарное ли дело — целно отдаться учителю? Я нашел Андрея Белого поглощенным изучениями уроков Штейнера и работами, им указанными. Отрывки все еще неоконченного «Петербурга» по-прежнему блистательны, стихов нет вовсе, но и роман не пишется: все сознание устремлено на другое. Утверждая, что (говоря вообще) столь цельное решение прекрасно, я нахожу вместе с тем, что оно было для Бори и неизбежностью. Он во многих отношениях подошел к краю. Но что будет плодом нескольких лет этого ученичества? Прежде всего, не погибнет ли художник? Однако, до Штейнера не подошел ли уже тот прежний гениальный художник к краю?.. Предсказать ничего нельзя. Все зависит от того, совлечется¹⁹ ли Боря своего я на этом пути. Если нет, бесплодны окажутся и его исключительные дарования в частных областях мистики. Если да, — пусть умрет прежнее, ибо родится во сто крат больше — подобное ли прежнему или вовсе неожиданное, все равно. Теперь я вижу его в безличном подчинении руководящей воле, в пассивной самоотдаче; но под ней припряталась дурная самость, подлежащая разрешению. Думаю, что мистагогическое²⁰ ведение Штейнера имеет целью разрушить последнюю и вместе вернуть Боре свободу. Тут долгие, трудные, темные пути. Но мы все должны быть благодарны тому (Боре), что подвизается и о нас.

В.И.

¹ доброй воли (лат.)

² Слово заимствовано из древнегреческого и значит «точность» или «тщательность».

³ Речь идет о последних стихотворениях в АЕПТА под названием *HUMANIORUM STUDIORUM CULTORIBUS* (ЛЮБИТЕЛЯМ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК). Там находятся стихи, посвященные Ф.Ф. Зелинскому и М.И. Ростовцеву. В предисловии к *НЕЖНОЙ ТАЙНЕ* (СС, т.3, с.7) Иванов пишет: «Да не усмотрят школьного педантизма в том, что последние из этих лепт выбиты древним чеканом. Пристрастие любителя оправдывается его верою в будущность нашего гуманизма. Автор думает, что

античное предание насущно нужно России и Славянству, — ибо стихийно им родственно, — и смело предполагает в числе своих читателей "humaniorum studiorum cultores"».

⁴ Зелинский Фаддей Францевич (1859-1944), филолог-классик, переводчик, профессор С.-Петербургского и впоследствии Варшавского университетов.

⁵ Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952), филолог-классик и историк античности, профессор С.-Петербургского ун-та, после революции — Йельского ун-та (США).

⁶ Неточная цитата из сонета Пушкина *ПОЭТУ* (1830). У Пушкина — «Усовершенствуя плоды любимых дум...»

⁷ В письме от 2/15 октября 1912 Скалдин пишет: «Кстати, я от Александры Николаевны как-то слышал, что в "Шиповнике" лежит часть Вашего гонорара — можно было бы взять оттуда». Речь идет о переводе «Госпожи Бовари», сделанном Александрой Николаевной Чеботаревской (она же «Кассандра») под редакцией Вяч. Иванова. Книга вышла в 1912 как первый том Собрания сочинений Флобера.

⁸ В 1910 издательство Сабашниковых основало новую серию книг, «Памятники мировой литературы». Деятельность Иванова как переводчика для Сабашниковых подробно рассматривается в: Pamela Davidson. *THE POETIC IMAGINATION OF VYACHESLAV IVANOV*. Cambridge, 1989, p.234-237.

⁹ Иванов говорит о тех переводах, которые впоследствии были выпущены отдельной книгой в «Памятниках мировой литературы»: *АЛКЕЙ И САФО. Собрание песен и лирических отрывков*. М., 1914.

¹⁰ Иванов ссылается на письмо Недоброво от 14/27 сентября 1912, где Недоброво пишет: «Книга Скалдина, которую он в рукописи давал нам читать, очень хорошая. Есть, конечно, следы соскальзывания нетвердой руки, но это ли важно?» (ГБЛ, ф.109, к.31, ед.хр.55).

¹¹ Критический отзыв о стихах Кузмина объясняется тем, что отношения между Ивановым и Кузминым испортились именно в это время. См.: М.С. Альтман. *ИЗ БЕСЕД С ПОЭТОМ ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВИЧЕМ ИВАНОВЫМ* (Баку, 1921 г.) — в «Трудах по русской и славянской филологии XI», Тарту, 1968, с.314. Там Иванов вспоминает: «Я был за границей, когда Скалдин издавал мой сборник. Обо мне распространялась, в связи с моим браком на моей падчерице, ужасная клевета, среди клеветников был один из тех, кому в этой книге имеется посвящение». Речь идет о Кузмине. Ср. комментарий Ольги Дешарт (СС, т.3, с.701-702), а также второе прим. к третьему письму данной публикации.

¹² Слово «гетэра» заимствовано из древнегреческого и значит в данном контексте «куртизанка».

¹³ Иванов имеет в виду письмо Скалдина от 6/19 октября 1912, которое содержит следующий критический абзац, касающийся *НЕЖНОЙ ТАЙ-*

НН: «О Ваших стихах. Мог бы разделить их по разрядам и писать: Вот первый, вот второй и т.д., но считаю это долгим и ненужным. Ограничусь замечаниями о нескольких и теми, которые, по моему мнению, наиболее нужны... "Конь Арион". Не лучше ли изложить все это в форме эпической? В этом стихотворении именно форма не слита с содержанием (или наоборот*)... "При дверях". О 1-ом и 3-м стихах строфы. Сначала вставляется лишь одна гласная в 3-й стих — "долго" — "пол(о)гу"; "вечно" — "невстреч(е)на", но эта стройность нарушается в 5-ой строфе — впрочем слабо — и довольно резко в 6 и 9. Лучше было бы выдержать до конца раз принятое... Очень хорошо стихотворение "Парус", но одно место в нем недостаточно вразумительно. "Ладья ловила вихрь бегущий всей грудью жадных парусов". Здесь не может быть речи о том, что ладья принимает ветер *на грудь* парусов, ибо паруса ловят ветер исподней стороной и грудь их, разумеется, по ветру, а не против ветра. Следует, значит, понимать, что паруса *дышат* ветром, принимают его *в грудь*, но это-то именно недостаточно вразумительно изложено, или же тут просто досадная ошибка.

* содержание с формой [Прим. Скалдина].»

¹⁴ В своем «мифе» о рождении рифмы и ассонанса Иванов явно развивает мотив Пушкина. См. стихотворения *РИФМА, ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА* (1828) и *РИФМА* («Эхо, бессонная нимфа», 1830).

¹⁵ В *НЕЖНОЙ ТАЙНЕ* появился именно «исправленный» вариант, т.е. «ладья вдыхала вихрь бегущий / Всей грудью жадных парусов».

¹⁶ Рейнгард фон Вальтер (1882-1965), немецкий критик и переводчик с русского. В своих письмах Скалдин часто намекает на сложные личные отношения с Вальтером. Причиной была жена фон Вальтера, которая впоследствии ушла к Скалдину.

¹⁷ По всей вероятности, этот постскриптум является ответом на письмо Скалдина от 6/19 октября 1912, где он сообщает: «Разными косвенными путями дошли до меня слухи об Андрее Белом. Он "пошел в подштейнеры", как выражаются. Передавал эту новость Григ[орий] Алексеевич Рачинский, который видел Б[ориса] Н[иколаевича] в Мюнхене. Б.Н. грозит не возвращаться в Россию, хочет навсегда остаться под крылышком Штейнера».

¹⁸ О своих впечатлениях от этой встречи Белый писал сам, много лет спустя, в *НАЧАЛЕ ВЕКА*, М., 1933, с.327: «отмечу момент: год 12, мы с А.А.Т. проживаем на "башне"; нам кажется, что эта "башня" — бесменная, верная пристань его; наша пристань — Москва.

Через семь только месяцев — нет ни Москвы, ни России для нас с А.А.Т.; мы в разрыве с друзьями московскими; нет для меня "Мусагета", "Пути", "Скорпиона"; нам грустно; мы в Базеле; около Рейна градация крыш черепитчатых ярко-оранжевым цветом висит из тумана; по маленьким улочкам ходят зобатые кучки; в гостинице холодно и неуютно; толкуем о том, что Иванов спешит из французской Швейцарии к нам; он, как

мы, — в новой жизни; нет "башни", втянувшей в себя Петербург, куда он не вернется; вернулся в места, где лет десять назад его жизнь протекала, где с Лидией Дмитриевной он, профессор, еще не поэт, над томами корпел, отдыхая на лавочке около зыблящегося Женевского озера.

Вот он приехал: рассеянный, зоркий, взволнованный; в сером пальто влетел в комнаты наши; и — первый вопрос: "Как же быть с символизмом, Борис, если ты не вернешься в Москву, если я проживу тут, а Блок и не деятель и не москвич, не сумеет один провести нашей линии?" С трогательной озабоченностью заметался по комнатам.

Мы провели с ним два дня; мы гуляли по улицам Базеля; мы любовались на площадь, где миниатюрный дракончик разъял свою пасть на заревающий, пламенный Мюнстер; в беседах о кризисе наших с ним жизней, оглядывая эти домики, мы вспоминали, как Ницше страдал здесь, как утешаться он ездил к близости жившему Вагнеру, в Трибшен; оба изгнанники были; и мы — чем-то вроде того.

Он уехал к французским озерам, а я к фирвальдштеттскому озеру; это стоянье двух странников, нас, на изломе путей, — мне запомнилось».

¹⁹ См. Толковый словарь Вл. Даля: «Совлекаться чего, отрешаться от-влекаться. Совлекаться личности своей».

²⁰ Слово заимствовано из древнегреческого. «Мистагог» — учитель, готовящий ученика к посвящению в мистирию.

3

Вторник, 5 ноября/23 окт. [1912]

Дорогой Алексей Дмитриевич,

пишу Вам карандашом, п[отому] ч[то] пишу лежа; а лежу вследствие озноба; а озноб потому, что очень медленно поправляюсь. Болезнь и задержала меня так долго в Montreux, и все еще не позволяет отважиться на довольно утомительное путешествие в Рим, где уже ждет нас квартира; Маруся и Лидия уже на новоселье. Так как однако в субботу, на другой день после именин Димы, рассчитываю все же выехать (Вера с Димой и нянькой тронутся через несколько дней после меня), то сообщаю Вам римский наш адрес.

Al Signor Venceslao Ivanov (— Для Веры:
Alla Signora Vera Ivanov; для Маруси и Лидии
alla Signorina M.L.)

Roma. Piazza del Popolo 18, int.6

— Я очень счастлив, что на самой Piazza del Popolo, хоть и дорога квартира.

Я нахожу, что Сережа¹ поступил естественно, последовательно, корректно, благородно². Разумеется, с *его* точки зрения; что хорошо для него, было бы нехорошо для нас с Вами. Особенно радует меня, что он не позволил себе никакой оскорбительной выходки, ни одного ненужного действия. Что Вы взяли на себя роль секунданта, также ценю и понимаю. Сережа заботился о том, чтобы правильно определить свое положение во всем деле, и сделал это хорошо. Иначе свое положение он ощущал бы как ложное. Радуюсь и тому, что поединок не состоялся. Беспокойна только мысль, что Сережа может не остановиться на этом, но искав каких-нибудь средств отмщения... и, однако, есть у меня какая-то уверенность, что он не сделает ничего больше, — все дальнейшее было бы уже ложным, дурным и вредным. Уверен я также, что и Вы влияете на него в этом смысле. С тем протоколом у нотариуса он, Сережа, должен признать инцидент законченным. Надеюсь, что то же подскажет ему и его чувство достоинства: все дальнейшее было бы унижением и для него и для всех нас.

Любя Вас, перечитываю Ваше письмо снова и снова — просто из удовольствия перечитывал³. Со всем согласен, и всем доволен. Бумага для обложки *очень* нравится. Греческие буквы АЕПТА не должны быть непременно наклонными; античная их форма, напротив, вертикальна⁴. А Добужинского попросить написать всю обложку, в самом деле, быть может, разумно. Он уже там и о цвете тогда подумает, ему тогда нужно полную дать свободу; он прежде очень ревниво относился к «Орам», и полагаю, будет рад вспомнить старину⁵. Денег сам не потребует... Итак, если Вам мысль нравится, поручите ему начертать обе наши обложки. Если ж Вы комбинируете шрифты очень эффектно и стильно, то обойдется без рисовальщика. Как хотите, одним словом. Я только против того, чтобы обращаться к Д[обужинскому] из-за одной греч[еской] строки; поверьте, что написанное будет очень отделяться от набранного и, всего вероятнее, убивать последнее. Что до синей краски, совсем не стою за нее, тем более что она может вредить стильности обложки. — А надписей Д[обужинск]ого я большой почитатель.

Попросите мне высылать, или подпишитесь, или купите №1 Гиперборея⁶.

Относительно Штейнера, — мне больно, что наши прежние разговоры дали именно такой отпечаток в Вашем сознании. Едва ли Вы приписываете мне самое формулу «ложное X»?⁷ Мог ли я *так* выразиться? Действительно ли так запомнились Вам мои слова? Мне кажется, что мне не нужно брать таковые назад и сожалеть о них — разумею именно *слова* — лишь потому, что я их

не произносил⁸. — По существу же, дело вот в чем. Я отказываюсь и теперь, как и прежде, признать тожество, поставить знак равенства, между ✕ и доктриною д[окто]ра Шт[ейнера]. Отношение между тем и этою представляется мне, примерно, аналогичным отношению между католичеством и католическим модернизмом. Последний есть попытка примирения между традиционным катол[ическим] богословием и современною наукой. Кат[олическая] церковь часть модернизма приемлет, другую часть осуждает. Доктрина Шт[ейнера] есть синкретическое создание его собственного (достойного быть признанным гениальным) творчества, гигантский синтез ✕ традиции, других мистико-теософских систем (Индия) и современной мысли от Канта через *Гегеля* до натурфилософии наших дней. Оговариваюсь, что так *мне лично* представляется это дело. Если же это так, то очевидно, того отождествления, того знака равенства, принять невозможно, да и не нужно для самого Шт[ейнера], который именно смело порвал с традицией и замыслил приспособить последнюю к совершенному состоянию умов и их новейшим потребностям. — Вы видите, я говорю то же — да не то. Ибо в той формуле⁹ заключается осуждение, скрыто утверждение *искажения*: но я такого утверждения делать отнюдь не хочу. — Прибавьте, что, по основному замыслу одного духовного братства, отдельные исторические деятели, им вдохновляемые, свободно проявляют личное творчество, являясь духовными факторами, необходимыми в данную эпоху и в данных условиях. — Наконец, так как Вам нужно прямое и полное выражение моего взгляда на Штейнера, — необходимо напомнить еще и другие, важные обстоятельства. Учение Шт[ейнера] характеризуется своею незаконченностью, на которой настаивает он сам. Каждая его статья или книга провозглашается им самим недостаточною, почти упраздняемой последующим изложением¹⁰. Каждая его лекция на ту же тему, на какую он говорил неоднократно и прежде, есть нечто неожиданно новое. Не только неожиданно новое, но и зачастую обратное, противоречащее прежнему. Это происходит от двух причин — общей и частной. Общая в том, что пути мистического познания вообще ведут чрез узкие врата антиномий сознания и чрез последовательность планов сознаний так относящихся один к другому, как фотографический позитив к негативу. Частная же причина в том, что сам Шт[ейнер] идет вперед и растет, что сам он *im Werden*¹¹. И идя — ведет с собой; приняв на себя великую ответственность. В этой глубоко им сознаваем[ой] ответственности его величие, величие трагическое. Кажется ли мне он «слепым вождем слепых»? Это вопрос интуиции. Я бы ответил на него так: Штейнер уже возрос до великой

силы и великого света. Он преодолел огромные искушения. Он, как Израиль-богоборец, добыл Благословение¹². Он прильнул к ногам Христа.

В мистериях, недавно им сочиненных¹³, трагически изображено, как на своем пути душа призванного впадает на долгие сроки во власть Люцифера и Аримана... и как ее дело может продолжаться плодотворно и в эти сроки пленения... и как, наконец, она освобождается от своих временных владык... как неуловимо тонок, как многообразен, как прельстительно высок и прекрасен бывает этот плен — а как бессилен он против одного... неутомимого, беззаветно-верного стремления человеческого духа вперед, всегда вперед. Мне кажется, что в эти изображения поэт (потому что в этих стихотворных мистериях вспыхивает порой настоящая поэзия) вложил много автобиографического.

Сильному и верному нечего бояться ученичества у Штейнера.

Вы видите, что *теперь* я его даже *люблю*. А уважал всегда. Но, тем не менее, я опасаясь, что движение штейнерианства, община учеников доктора (не о нем самом говорю, а о его приверженцах) заблудится, уйдет на ложные пути, принесет вред (что будущность ей обеспечена, я не сомневаюсь). Дай Бог, чтобы эти опасения не оправдались.

Ну, пока довольно. Кажется, буду писать часто. Целую Вас, как бы поцеловал 17-го, в Лавре¹⁴.

Вяч. Иванов

Напишите мне все же адрес Гершензона.

¹ Шварсалон Сергей Константинович, брат Веры Константиновны Шварсалон, третьей жены Вяч. Иванова.

² В этом абзаце Иванов отвечает на следующие строки из письма Скалдина (без даты, но явно написано после 23/10 октября и до 5 ноября /23 октября): «За истекшую неделю слухи и толки о Вас достигли наивысшей своей силы и чуть было все это не окончилось дуэлью между Сергеем Константиновичем и Кузминым. Согласие на дуэль К[узминым] было дано, но в последнюю минуту (когда секунданты приехали с официальным вызовом) Кузмин отказался драться. Секундантами со стороны С[ергея] К[онстантиновича] были я и Залеманов. Я на предложение С[ергея] К[онстантиновича] должен был изъявить согласие. Посвящать и разъяснять я не мог никого и никому, а, принимая на себя обязанности секунданта, думал, что смогу здесь сделать кой-что полезное — например, сохранить К[узмину] жизнь...». О Залеманове нам ничего не известно, кроме упоминания в письме Скалдина к Вере Константиновне Шварсалон от 6 ноября

1912 г. (ГБЛ, ф.109, к.34, ед.хр.40): «С[ергея] К[онстантиновича] приходится пожалеть: он попал в довольно дурную компанию Залеманова. И одно меня утешает, что Залеманов, при всех его отрицательных качествах, не лишен значительного благородства».

³ Речь идет о письме от 20 октября 1912, где обсуждаются подробности издания *НЕЖНОЙ ТАЙНЫ*.

⁴ Ответ на замечание Скалдина в письме от 20 октября: «слово "АЕПТА" следовало бы печатать наклонным греческим шрифтом, но такового в типографии нет...»

⁵ См. М.В. Добужинский. *ВОСПОМИНАНИЯ*. М., 1987, с.273-274, где речь идет об Иванове. «В Башне, на еженедельных средах, которых я одно время почти не пропускал, я встречал всех тогда — и уже знаменитых, и еще начинавших молодых поэтов...» Что касается его художественной деятельности, Добужинский пишет: «У Вячеслава Иванова я еще бывал и по поводу затеянного им его собственного издательства "Оры". Он торжественно нарек меня почетным именем "художника 'Ор'", и я сделал несколько обложек для крошечных книжек этого издательства, удовлетворяя Вячеслава Иванова моими символическими рисунками. (Эти книжки были: антология "Цветник 'Ор'", "Трагический зверинец" и "33 урод" Лидии Дмитриевны, писавшей под именем Зиновьевой-Аннибал, и "По звездам" Вячеслава Иванова)».

⁶ Иванов узнал о существовании такого журнала от Скалдина, который сообщал (6/19 октября 1912): «Гумилев и "Цех" издают журнал стихов и критики — "Гиперборея"».

⁷ Знак означает «розенкрейцерство». Поводом для такого заключения является письмо Скалдина (без даты, но, очевидно, ответ на письмо Иванова от 23/10 октября 1912): «О Белом беспокоился и беспокоюсь потому, что помню Ваши слова о ложном Р[озен]К[рейцерств]е Штейнера. Не прельстило ли Бориса Николаевича это ложное Р[озен]К[рейцерство], что было бы весьма для него опасно. К тому же Вы говорите, что у него "исключительные дарования в частных областях мистики..."»

⁸ Следующее письмо Скалдина (от 30 октября 1912) подтверждает, что Иванов здесь прав: «Понятно, Вам совсем не нужно брать обратно тех слов о Штейнере: Вы их не произносили. Собственно, и у меня не осталось от разговора впечатления о Штейнере, как об искжителе Х».

⁹ т.е. «ложное Розенкрейцерство».

¹⁰ Неизвестно, какие именно работы Штейнера Иванов имеет в виду. Но не трудно обнаружить у Штейнера общую тенденцию, о которой Иванов говорит. Многие сочинения Штейнера начинаются с того, что автор сам подчеркивает недостаточность своих предыдущих сочинений и даже незаконченность данной работы. Например, в предисловии к первому изданию книги *МИСТИЦИЗМ В НАЧАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ДУШИ* (Берлин, 1901), Штейнер пишет, что книга представляет собой но-

вый этап мышления на тему, которая не до конца развивалась в его **ФИЛОСОФИИ СВОБОДЫ** (Берлин, 1894). В предисловии к третьему изданию **ТЕОСОФИИ** (1910), Штейнер сам указывает на то, что книга не удовлетворит читателя, который ищет «последней истины», и советует такому читателю обратиться к **ТАЙНОЙ НАУКЕ** (1910), где он найдет «дополнительные сведения в этой области». Другим признаком незаконченности являются дополнения и уточнения, которые Штейнер добавлял к каждому новому изданию своих книг.

¹¹ в становлении (нем.).

¹² Книга Бытия (хххп, 28).

¹³ Иванов имеет в виду три первые драмы-мистерии Штейнера (четвертая была написана лишь в 1913): *DIE PFORTE DER EINWEIHUNG* (**ВОРОТА ПОСВЯЩЕНИЯ**, 1910), *DIE PRÜFUNG DER SEELE* (**ИСКУС ДУШИ**, 1911) и *DER HÜTER DER SCHWELLE* (**СТРАЖ ПОРОГА**, 1912). В конце августа 1912 пьесы были поставлены самим Штейнером в Мюнхене. Работа над драмами была важным событием в истории антропософии. Подробное описание этого дает Маргарита Волошина в своих воспоминаниях (*DIE GRÜNE SCHLANGE*, Frankfurt, 1982, с.261-267) в главе *MYSTERIEN DES WORTES* (**МИСТЕРИИ СЛОВА**). Белый присутствовал на их представлении (см.: Дж.Мальмстад. **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И АНТРОПОСОФИЯ**. — «Минувшее», т.6, Париж, 1988, с.345). Вероятно, Белый делился своими впечатлениями о мистериях с Ивановым при их встрече в Базеле.

¹⁴ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (вторая жена В.Иванова) умерла 17 октября 1907. В письме от 20 октября 1912 Скалдин пишет: «17-го отслужили панихиду на могиле Лидии Дмитриевны. Крест был убран розами. Поцеловал и крест и розы. И землю...»